

DOI 10.22394/1818-4049-2019-87-2-100-106

УДК 37 (470):004

М. А. Маниковская

Цифровизация образования: вызовы традиционным нормам и принципам морали

Свидетельством наступления цифровой реальности является дигитализация всех сторон общества, в том числе и образования. Однако значение его трансформации, обусловленное мощью новейших технологий, особого рода: ее эффективность в сфере образования в значительной степени определяет темпы и качество цифровизации современного мира. В научных изысканиях и прогнозах большинства экспертов преобладают ошеломляющие и завораживающие перспективы цифровизации всех сторон человеческой жизни, и в меньшей мере представлены ее риски и негативные следствия. Последние видятся в возможной дегуманизации и инструментализации образования, деформации идентичности человека, распаде ее на фрагменты и даже сведении к «цифровому человеку», девальвации традиционных моральных норм и принципов, ведущих к разрушению моральных устоев общества, которые в общественном сознании всегда ассоциировались с прочностью, незыблемостью основ, укорененных в совместном бытии и сознательно отстаиваемых. Отсюда исключительно актуальным является исследование проблемы: как меняет цифровизация человеческие отношения, суть которых фундируют мораль и нравственность. Автору предлагаемой статьи видится плодотворное решение этой проблемы в новом ее развороте, который указывает перспективу выявления и сохранения в трансформирующемся образовании конструктивных возможностей оптимального и гармоничного сопряжения цифровых и гуманитарных технологий, обеспечивающих моральную идентичность человека, его способность быть иным при сохранении самотождественности, полагающей полноту и целостность своего Я. Формирование студента как моральной личности должно быть заботой «солидарной ответственности» всего университетского сообщества. Этическое самопонимание выкристаллизовывается в коммуникативном действии, в структурах жизненного мира.

Ключевые слова: цифровая реальность, дигитализация образования, риски цифровизации, моральные и нравственные вызовы, феномен учительства, жизненный мир.

Отчетливо проявляющиеся в настоящее время контуры цифровой реальности свидетельствуют о ее стремительном наступлении и одновременно – об увеличении дистанции между ее очевидностью и адекватным умозрением. В эпистемологическом поле, образованном цифровизацией современного мира, масштаб которой соответствует большому вызову, одной из важнейших является проблема трансформации образования, которое не только отвечает на вызовы этого глобального процесса, но и в значительной мере определяет его осуществление. Про-

блема сопряжения и взаимообусловленности дигитализации (цифровизации) всех сфер общества и трансформирующегося образования становится фундаментальной научной задачей в силу особых обстоятельств. Дело образования в своей глубинной сути не сводится, как известно, к трансляции знаний. Оно решает задачу формирования социальной и культурной идентичности человека с его способностью быть иным при сохранении самотождественности, полагающей полноту и целостность своего Я. Научные изыскания и прогнозы мирового сообще-

Мария Алексеевна Маниковская – д-р филос. наук, доцент, профессор кафедры философии и социально-гуманитарных дисциплин Педагогического института, Тихоокеанский государственный университет (680035, Россия, г. Хабаровск, ул. Тихоокеанская, 136). E-mail: mary.manikovskaya@gmail.com

ства ученых, а также реальные факты, убеждают в невиданно плодотворном потенциале цифровизации. Но чем эффективнее этот процесс, тем значительнее его риски. В сегодняшнем теоретическом представлении цифровизации преобладают завораживающие перспективы радикального преобразования всех сторон человеческой жизни, в том числе и образования, и в меньшей мере представлены ее риски и негативные следствия. К числу наиболее тревожных относятся: возможная дегуманизация общества, инструментализация человеческой жизни, деформация идентичности человека, распад ее на фрагменты и даже сведение к профайлу («цифровому человеку»), девальвация ныне существующих морали и этики. Именно морально-этический аспект цифровизации, судьба морали и этики в цифровом обществе признаются сегодня исключительно актуальными среди наиболее острых проблем, о чем свидетельствуют публичные обсуждения темы не только экспертами, но и широкой аудиторией, в частности, сетевого проекта «Новая этика».

Логика экспликации замысла предпринятого исследования, методологически направляемая герменевтикой, отсылает к более широкому контексту, который поможет если не прояснить, то, по крайней мере, поставить морально-этические проблемы дигитализации образования.

Исходный вопрос экспликации замысла исследования: как цифровизация, преобразующая современный мир, меняет отношения между людьми, и насколько она способна трансформировать человека? Вопрос ключевой, его смысл имеет экзистенциально-антропологическое измерение, ибо мораль и нравственность опосредуют эти отношения, а этика является ключом онтологии и феноменологии человеческого бытия [Ячин, 2014].

Как известно, мораль возникает из необходимости обеспечения максимальной самоорганизованности общества, регуляции и саморегуляции общения, творческих начал человека, возможности его сопричастного бытия с другими людьми, сотрудничества. Сопричастное бытие – бытие совестливое, выражающее одновременно суть нравственности и суть все-

го человеческого бытия, способного жить не столько собой, сколько соотношенным с собой бытием [Ячин, 2014].

Материал исследований, которым мы располагаем, и собственные изыскания показывают, что сегодня в тематическом поле, образованном морально-этическими проблемами в условиях цифровизации, явная асимметрия: вопросов больше, чем ответов. Анализ работ свидетельствует, что в этом тематическом поле еще не сложилась парадигма исследования цифровизации, нарастающая сила которой уже производит впечатляющие изменения в разных сферах общества. Нет единства мнений у исследователей относительно характера сегодняшней стадии цифровизации. Одни полагают, что ее контуры лишь проглядываются, другие, – что мы уже на ее пороге, третьи считают, что цифровая реальность уже наступила. Наряду с аналитикой онтологического основания цифровой реальности, эпистемологических условий ее постижения ведутся исследования цифровизации разных сфер общества и человека. Тема цифровизации образования нашла отражение и в монографиях, и в большом количестве статей [Игнатова, 2017 ; Летов, 2009 ; Моисеев, 2014 ; Николаева, 2014 ; Сляднева, 2009]. Есть доступные для широкой аудитории работы, в которых представлены материалы международных исследований по данной теме (<https://iite.unesco.org/ru/publications/>). Вместе с тем в этом обширном поле теоретических поисков решения умножающихся проблем цифровизации образования есть лакуны, затрудняющие не только видение общей картины многогранной темы, но и смещающие оптику рассмотрения. Словосочетание «цифровизация образования», отсылающее к виртуальной и, следовательно, не вполне настоящей реальности, смущает не только обывателя, но и исследователя, нацеливая его на релевантное постижение и определение этого феномена.

Согласно классическому определению, цифровое образование – это образовательная деятельность, основанная на цифровых технологиях. Она полагает цифровую образовательную среду как от-

крытую совокупность информационных систем, предназначенных для обеспечения различных задач образовательного процесса.

Сегодня исследователи оперируют понятиями: «дигитализация образования», «цифровое образование», «смарт образование», интегрирующее новые понятия цифровой педагогики (открытые образовательные ресурсы (OOP), массовые открытые онлайн курсы (MOOC), учебные платформы (Learning Management System/LMS), электронные учебники (smart book /e-book), электронные библиотеки (e-labrury), открытые лицензии (например, CC лицензии), мобильное обучение, облачные образовательные системы и Интернет-сервисы (Web 3.0), цифровые видеокommunikации, глобальные медиа, автоматизированные системы управления образовательными организациями и др.). И тем не менее нам представляется, что еще отчетливо не прояснено само существо феномена цифровизации образования, поскольку оно не сводимо к внедрению цифровых технологий. Эффективность разветвленных цифровых технологий зачастую порождает эйфорию и формирует убеждение в их всеисилии и власти. Но ведь чрезмерная власть технологической мощи чревата инструментализацией человеческого бытия.

В современной весьма противоречивой картине мы усматриваем отчетливо проступающую поляризацию диспозиций, центрируемых видением «нового» человека, пониманием смысла морали и ее роли в цифровой реальности.

На одной из позиций располагаются приверженцы негативной евгеники и радикального трансгуманизма. Благодаря геномным цифровым технологиям евгеническое вмешательство в природу человека обещает ее улучшение, совершенствование, предотвращение смертельных заболеваний. Но одновременно евгеника рождает риск утраты человеком самотождественности. Сможет ли человек после «генной интервенции» идентифицировать самого себя как ответственного автора истории своей жизни [Хамермас, 2002].

Следствием «хитрости» человеческого ума – новейших цифровых технологий – стал неоднозначно трактуемый и вызыва-

ющий широкий общественный резонанс проект трансгуманистов, реализовать который предполагается уже к середине XXI в. Согласно радикально ориентированному трансгуманизму, цель развития человека — неочеловечество. Следствием изменения телесной природы человека станет его бессмертие. Трансгуманистическая медицина, основанная на технологиях искусственных органов и систем, обеспечит перенос индивидуального сознания человека на небиологический субстрат – искусственное тело [Летов, 2009]. Характеризуя возможности искусственного интеллекта, трансгуманисты оставляют в тени мораль и этику киберлюдей.

Как видим, обозначенные риски ведут к утрате человеческой идентичности. По замечанию Ю. Хабермаса, «... расщепление собственной идентичности является признаком того, что стала рыхлой та ограничительная деонтологическая защитная оболочка, которая охраняет неприкосновенность личности, незаменимость индивида и незамещаемость собственной субъективности» [Хамермас, 2002. С. 96].

Происходящие во многих сферах жизни радикальные изменения как следствия интенсивно развивающихся цифровых технологий не позволяют усомниться в их эффективности. Все это свидетельствует о плодотворной перспективе потенциала того, что называют сегодня виртуальной и дополненной реальностью. Цифровые технологии увеличивают степень свободы человека и позволяют делегировать виртуальному двойнику-аватару, электронному персонажу выполнение ряда функций, которые, благодаря заданным программой параметрам, наделяются большими возможностями, чем естественные человеческие. Однако смещение акцента в сторону алгоритмизации, преувеличения роли IT-технологий, «умных» технологий чревата рисками сведения человека к бестелесному цифровому «профилю». В такой ситуации вполне закономерен вопрос: есть ли место этике и морали в общении «профайлов»?

Альтернативой выше обозначенной позиции, является другая, весьма привлекательная, поскольку выглядит почти как условие реализации идеи всесторонне и гармонически развитого человека. Ее суть состоит в том, что цифровые тех-

нологии, освобождая человека от рутинной работы, дают ему много свободного времени для творчества и общения. В самом деле, в соответствии с экзистенциальной антропологией феноменологически проявляющим способом специфики и уникальности человеческого бытия в отличие от другого сущего являются экзистенциалы. Экзистенциалы – это такие формы человеческой жизни, которые проявляют то, чем человек является по сути. Философы спорят об экзистенциальном статусе тех или иных форм жизни, но, ограничивая «обязательный минимум», включают в него общение как феномен смыслового характера человеческой жизни. Но и эта позиция таит немало проблем, противоречий, рисков и негативных следствий.

Эксперты полагают, и не без оснований, что цифровизация общества усугубит социальное неравенство. Данная перспектива объясняется тем, что плоды цифровизации не могут быть доступны всем в одинаковой мере. Это следствие не злой воли создателей цифровых технологий и бенефициаров, а реальная ситуация, обусловленная целым спектром причин: экономических, образовательных, географических, демографических, этических. Цифровая реальность требует адекватных ей знаний, профессиональных умений и навыков для взаимодействия с реалиями цифровой среды и, пожалуй, не менее важного фактора – наличия материальных средств. Общение же не сводится к разговорам на лавочке, болтовне, формальному заполнению паузы. Являясь феноменом смыслового характера человеческого бытия, общение реализует свое призвание в том, что служит оправданием человека — оправданием в творчестве (Н. Бердяев). Человеческая жизнь не определяется алгоритмами, даже научно обоснованными и эмпирически достоверными. Полнота бытия обеспечивается творческим самоосуществлением. Диапазон творческих проявлений безграничен, но и он нуждается в наличии известных условий и материальных ресурсов. Скажем, аутентичное восприятие подлинных произведений искусства возможно не благодаря средствам массовой информации, а «живому» общению, кото-

рое и становится сотворчеством. Осознание обделенности благами цифровизации омрачает нравственную атмосферу, укрепляет ощущение несправедливости, наглядно демонстрирует этическую проблему должного и сущего.

Казалось бы, равно доступная всем обучающимся цифровая образовательная среда как открытая совокупность информационных систем, предназначенных для обеспечения различных задач образовательного процесса, снимает многие обозначенные контрверзы социальной несправедливости. Однако цифровая реальность детерминирует морально-этические вызовы и в этой сфере. Дигитализация образования провоцирует интеллектуальный коллапс, снижение креативности, лжетворчество. Немало студентов подменяют свой интеллектуальный поиск компиляцией извлеченных из «мировой паутины» фрагментов готовых решений, живут с иллюзией, что наличие гаджета в кармане — это и есть их знание. Часть «цифрового поколения» убеждена, что знание добывают благодаря легкому касанию пальцем экрана, исключающему напряжению интеллекта и труд души. Им невдомек, что только критически переработанный, духовно присвоенный «светоносный опыт» станет «плодоносным» (Ф. Бэкон).

Признавая преимущества персонализированного образования, индивидуальных треков овладения образовательными программами, компьютерного обучения, нельзя не отметить, что в реализации данных образовательных стратегий общение «лицом к лицу» сведено к минимуму. А как было отмечено выше, мораль проявляется в отношениях между людьми. Отсюда вытекает: либо этические проблемы снимаются, либо возникает нечто, берущее на себя функции регуляции отношений между человеком и «умной машиной».

Возможно из перспективы цифровизации образования феномен и опыт учительства кому-то покажется анахронизмом, неуместным в условиях сегодняшних требований государственных стандартов. Однако педагогическое сообщество, в том числе и высшей школы, давно осознало, что образование – не столько трансляция знаний, сколько – образование человека в

его полноте и целостности. При таком понимании и учительство, смысл которого определился уже в древности как на Востоке, так и в античной Греции, не утратило своей значимости. В настоящее время оно приобретает еще больший смысл. Учительство, по нашему разумению, основанное на традиции, существующей более двух с половиной тысяч лет, невозможно редуцировать к деловому общению, утилитаристски понимаемому общему делу, хотя оно и осуществляется в общем деле – образовании. Возражение обусловлено тем, что содержание и дух учительства превосходят границы инструментальной рациональности, которой не подвластна особая форма солидарных отношений, сопряженных с образованием. Учительство одухотворяет образование, воплощает духовные скрепы между учителем и учеником, в нашем случае — преподавателем и студентом; мыслится путеводной духовной силой неразрывного образовательно-воспитательного процесса. Феномен учительства несет глубокий нравственный смысл, ибо включает ответственность не только за содержание знаний, их «плодотворность», но в большей мере – за воспитание, культивирование человечности.

Вместе с тем не собственный опыт учительства, а многолетний опыт работы в сфере высшего образования, рефлексия по поводу дела всей жизни, склоняют к мысли, что утрачивается животворящая сила учительства. Намеренно акцент нами сделан на такой особенности рассматриваемого феномена, как животворение: творение человека в живом общении. Великий Сократ, применяя свой знаменитый метод майевтики, как плодотворный прием, способствующий рождению истины, побуждал к размышлению, поиску ответов на экзистенциальные вопросы в живом диалоге. Он убедительно доказывал, что истинное знание человек может обрести собственными усилиями, а не получить готовым. Этот опыт стоил жизни древнегреческому мыслителю, но он высветил плодотворность майевтики, удостоверенную духовным опытом человечества.

Несмотря на «торжество» образова-

тельной прагматики, важно находить в общении со студентами возможность для размышлений о человеке как этическом существе, находить место и время для вопрошания о совести, стыде, ответственности, сострадании, милосердии, чести, достоинстве, любви, счастье – о тех вопросах, что традиционно считались прерогативой этики.

Необходимо отчетливо осознавать, что радикальность перемен, происходящих в обществе, детерминирует не только изменение, усиление проблемности социокультурного контекста морали, но и само ее понимание, обуславливает релятивность культурно-нравственных традиций и тех оснований, которые прежде воспринимались как безусловные «моральные устои». Студенты, преподаватели оказались в ситуации, когда приходится соотносить моральный опыт, сформировавшиеся прежде нравственные убеждения, моральные интуиции с изменившимися обстоятельствами. Не будет преувеличением характеризовать данную ситуацию как драматическую, когда студенту не под силу «снять» этически релевантные противоречия между тем, что есть сейчас, и тем, что должно быть. Существует немало социально значимых проблем (порнография, проституция, полигамия), индивидуальных разрушительных практик (наркомания, азартные игры), при обсуждении которых нормативно-этическая составляющая преобладает. Эти проблемы свидетельствуют о необходимости моральной категоризации социальных явлений¹. Носители моральных интуиций нуждаются в способах их рациональной сверки, подтверждении или отрицании, коррекции. Такими надежными способами могут стать интеракции, коммуникативные действия.

Следует заметить, что этике и морали со времени своего возникновения неоднократно приходилось отстаивать свои универсалистские притязания. Если Сократ убеждал в необходимости морали как всеобщего и обязательного знания добра, следование которому ведет к счастью, то софисты, в частности Фразимах, заявляли,

¹ Прокофьев А.В. Концептуализация понятия «общественная мораль»: некоторые проблемы и трудности. URL: http://iph.ras.ru/uplfile/ethics/RC/ed/f/soc_eth/prokofiev.html/

что мораль — это искусственная выдумка одних людей для одурачивания и обуздания других. Нередко для оправдания беззакония провозглашались и воплощались в жизнь сентенции, что политика вне морали. Имеет место подход, согласно которому и у науки не может быть моральных преград. Наряду с выше обозначенной позицией в истории этики и культуры утвердился разноликий имморализм, по разным причинам отрицающий мораль (маркиз де Сад, Ф. Ницше).

Цифровизация — это еще одна проверка на онтологическую укорененность морали и нравственности в обществе. Признание универсалистских претензий морали чрезмерными влечет за собой опасность утверждения относительности моральных норм, размывания границы между тем, что можно, а чего нельзя, что такое хорошо и что такое плохо. Это ведет к раскачиванию тех оснований, которые закрепились в общественном сознании как моральные устои, как нечто прочное и незыблемое. Отсюда вытекает необходимость рефлексивно оформленной этической позиции, твердого убеждения в том, что высшее образование, помимо профессиональной подготовки, должно аутентично пропагандировать фундаментальные нравственные ценности, высветлять их смысл и плодотворную значимость как в профессиональной деятельности, так и в гармонизации жизни.

«Духовная мощь» (Ортега-и-Гассет) университета фундирована не только интеллектуальной силой, обеспечивающей подготовку высококлассных специалистов, но и «нравственным капиталом», который вместе с эстетическим, оберегает от «профессионального кренинизма», исключает ущербность и деформацию, обуславливает полноту бытия человека. Формирование специалистов должно быть предметом «солидарной ответственности» (К.-О. Апель) всего университетского сообщества.

Плодотворное решение этой проблемы видится в новом ее развороте, кото-

рый открывает перспективу выявления в трансформирующемся образовании конструктивных возможностей оптимального сопряжения цифровых и гуманитарных технологий.

Аналитика морально-этических отношений, размышление о роли и месте морали и нравственности в проблемном контексте, обусловленном цифровизацией, убеждает в том, что «проблема находит решение, если поставить этику на почву жизненной необходимости общения как естественного блага человеческого бытия» [Ячин, 2018. С. 22].

Список литературы:

1. Игнатова Н. Ю. Образование в цифровую эпоху. Нижний Тагил, 2017. 118 с.
2. Летов О. В. Трансгуманизм и этика: (аналитический обзор) // Социальные и гуманитарные науки: отеч. и заруб. лит. Сер. 3, Философия: РЖ/РАН ИНИОН. 2009. № 2. С. 51–99.
3. Моисеев В. Н. Общество синхронизации: человек и его цифровой профиль // Обсерватория культуры. 2014. № 5. С. 107–111.
4. Николаева Е. В. Парадигматические константы и структурно-семантические паттерны цифровой культуры // Обсерватория культуры. 2014. № 3. С. 26–33.
5. Сляднева Н. А. Информационные ресурсы в информационном обществе: онтологический статус и методология // Информационные ресурсы России. 2009. № 1 (107). С. 8–13.
6. Хабермас Ю. Будущее человеческой природы. Пер с нем. М. : Издательство «Весь мир», 2002. 144 с.
7. Ячин С. Е. Аналитика человеческого бытия: введение в опыт самопознания. Систематический очерк. М. : ИНФРА-М, 2014. 210 с.
8. Ячин С. Е. Критика аксиологического разума : монография. М. : ИНФРА-М, 2018. 137 с.

Библиографическое описание статьи

Маниковская М. А. Цифровизация образования: вызовы традиционным нормам и принципам морали // Власть и управление на Востоке России. 2019. № 2 (87). С. 100–106. DOI 10.22394/1818-4049-2019-87-2-100-106

Maria A. Manikovskaya – Doctor of Philosophy, Docent, professor of the Philosophy and Socio-Humanitarian Sciences department of Pedagogical institute of the Pacific National University (68, Karl Marx str., Khabarovsk, 680000 Russian Federation). *E-mail: mary.manikovskaya@gmail.com*

Digitalization of Education: Challenges to Traditional Norms and Moral Principles

Indigitalization of all sides of society, including education, is evidence of the commencement of digital reality. However, the significance of the society transformation, due to the newest technologies power, is of a special kind: its effectiveness in the field of education determines to a great extent the pace and quality of digitalization of the modern world. Most experts present stunning and fascinating prospects of digitalization of all aspects of human life in their scientific research and forecasts whereas its risks and negative consequences are presented to a lesser extent. They might be represented in the possible dehumanization and instrumentalization of education, in the deformation of a person's identity that might disintegrate into fragments and even reduce to a "digital person". It might be the devaluation of traditional moral norms and principles leading to the destruction of the moral foundations of society, which in the public consciousness have always been associated with strength and inviolability of fundamentals, which are rooted in being together and consciously upheld. Hence, it is extremely relevant to study the problem of how digitalization changes human relations, the essence of which is based on morality and ethics. The author of the proposed article believes that a fruitful solution to this problem is in its new turn. This turn indicates the prospect of identifying and preserving the constructive possibilities in transforming education. Those are the possibilities of optimal and harmonious interfacing of digital and humanitarian technologies that ensure a person's moral identity, his ability to be different while keeping his self-identity, which means completeness and integrity of his Self. The entire university community should be concerned about the formation of a student as a moral personality; it should be the concern of the "joint responsibility". Ethical self-understanding crystallizes out in the communicative action and in the structures of the life-world.

Keywords: digital reality, digitalization of education, digitalization risks, moral and ethical challenges, teaching phenomenon, life-world.

References:

1. Ignatov N. Yu. Education in the digital age. Nizhny Tagil, 2017. 118 p. (In Russian).
2. Letov O. Transhumanism and ethics: (analytical review) *Sotsial'nyye i gumanitarnyye nauki: otech. i zarubezh. lit. Ser. 3, Filosofiya: RZH/RAN INION* [Social and Human Sciences: eternal. and abroad. lit. Ser. 3, Philosophy: RJ / RAS INION], 2009, no. 2, pp. 51–99. (In Russian).
3. Moiseev V.N. Synchronization Society: Man and his Digital Profile *Observatoriya kul'tury* [Culture Observatory], 2014, no. 5, pp. 107–111. (In Russian).
4. Nikolaeva, E.V., Paradigmatic Constants and Structural-Semantic Patterns of Digital Culture, *Observatory of Culture*. 2014, no. 3, pp. 26–33. (In Russian).
5. Slyadneva N. A. Information resources in the information society: ontological status and methodology *Informatsionnyye resursy Rossii* [Information resources of Russia], 2009, no. 1 (107), pp. 8–13. (In Russian).
6. Habermas Y. The future of human nature. Per with him. M.: All World Publishing House, 2002, 144 p. (In Russian).
7. Yachin S.Ye. Analytics of human existence: an introduction to the experience of self-knowledge. Systematic essay. M.: INFRA-M, 2014, 210 p. (In Russian).
8. Yachin S.Ye. Criticism of axiological reason: monograph. M.: INFRA-M, 2018. 137 p. (In Russian).

Reference to the article

Manikovskaya M. A. Digitalization of Education: Challenges to Traditional Norms and Moral Principles // *Power and Administration in the East of Russia*. 2019. No. 2 (87). Pp. 100–106. DOI 10.22394/1818-4049-2019-87-2-100-106